

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИРА

В последнее время в связи с процессами, происходящими в современном обществе, интересы учёных-философов и культурологов занимает определение смысла и выявление сущности понятия «культурное пространство». Не в стороне от данной проблемы находятся и лингвисты. История формирования пространственного ареала культуры уходит в далекое прошлое. Культура, как четвертое состояние бытия (ученые выделяют четыре состояния бытия: бытие природы, бытие общества, бытие человека, бытие культуры) [1, с. 30], обладает всеми качествами любого из таких состояний: она не только существует в мире относительно самостоятельно и относительно объективно по отношению к любому действительному субъекту, но и разворачивается во времени и пространстве. С первых шагов человечество воспринимает пространство с точки зрения своих жизненных интересов как форм бытия, обращенных к восприятиям, переживаниям, осмыслению практики каждого конкретного человека. Пространство выступает важнейшей характеристикой бытия, от его восприятия напрямую зависит деятельность человека по освоению и переработке окружающего мира. А. Н. Быстрова обращает внимание на то, что освоение человеком пространства в целях выживания принесло осознание существования сторон света, «верха» и «низа», осмысления места, понимание далекого и близкого [2, с. 36]. Пространственный показатель культуры, как отмечает М. Н. Фомина, раскрывается через ось времени «прошлое—настоящее—будущее». Культура несет в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящем бытии людей. За счёт этого процесса обеспечивается связь времен.

Образ пространственных ориентиров сформировал у человека разделение на «свое» и «чужое», что впоследствии вылилось в выделение национального, социального единства пространственного сосуществования. Человек вынужденно находится в культурном пространстве, в котором формирует как себя, так и окружающую его действительность, перерабатывая ее в культурную «вторую природу». А «культура» создаёт «союз», позволяющий быть человеку человеком благодаря тому, что он оформляет пространство культуры [3, с. 32]. Человек постоянно живет в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры, культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления. Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живет, формируется, развивается и творит человек. Пространство хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человечества, пополняясь в результате культурной деятельности людей. «Культурное пространство — это все многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности и все отношения культуры» [4, с. 203]. Оно обладает всеми качествами, которыми обладает сама культура, характеризует всю человеческую деятельность, человека, как часть социума и как личность. Так проявляется деятельностный элемент культурного пространства.

Множественность элементов культурного пространства подтверждается тем, что исследования культурного пространства разными специалистами привели к появлению разных контекстов, оформили определенную точку зрения на данный феномен. И. И. Свирида выделяет два пути, ведущие к пониманию культурного пространства [3, с. 42]:

1) как пространство концептуальное, творимое в текстах культуры, оно претворено в образе. Другими словами — это реальное пространство, которое свидетельствует о том, что культура работает с категорией «культурное пространство»;

2) как пространство бытования культуры — это та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления.

В монографии «Феномен культурного пространства» к вышеперечисленным добавляется еще и понятие «перцептивное культурное пространство» [5, с. 14], т. е. его чувственное восприятие. В центре внимания здесь оказываются вопросы структуры, видовые модификации и их взаимодействие. Таким образом, намечены ключевые моменты комплексного изучения онтологической сущности культурного пространства, контексты, посредством которых и становится возможным выделить все его элементы.

Культурное пространство, как пространство концептуальное, выступает как помысленное и претворенное в образе пространство, так или иначе материализуемое в архитектуре, искусстве, картине мира и т. д. Смыслообразующей константой здесь выступает понятие пространства, к которому и привязаны смыслы и образы культуры.

Теоретические представления о реальном культурном пространстве формируются до появления концепта «культурное пространство». Еще в XIX в. О. Шпенглер в своем труде «Закат Европы» утверждал, что все куль-

туры существуют совершенно обособленно относительно других культур, эта обособленность определяется ограниченным пространством обитания. Н. А. Бердяев в работе «О власти пространств над русской душой», обозначая контуры русской культуры, также писал о влиянии пространства на менталитет культуры. «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные российские просторы требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности». Следовательно, культурное пространство — это реальная протяженность территориального сообщества, которое состоит из определенного количества дистрибутивно сопрягающихся в параметрах времени «текстов» культуры. Ф. Бродель в своих работах рассматривает культуру как ограниченное пространство, в котором осуществляется весь процесс жизнедеятельности общества [6, с. 32]. Города и предместья выступают здесь сферами осуществления культуры. Анализируя пространство Франции, в котором все переплетено (и история, и культура, и политика, и экономика, свойственные именно этому географическому объекту), исследователь приходит к мысли, что географические ориентиры формируют и менталитет. Любой даже небольшой географический объект (у Ф. Броделя это города, городки, деревни) может являться отдельным культурным пространством, так как в границах этих пространственных, природных ориентиров, рубеж которых «не менее четок, чем горная цепь Пиренеев» [6, с. 177], существуют собственные идеи, традиции, обычаи, которые могут проявляться даже в форме крыш, характерных для определенного региона. Здесь можно говорить о локальном культурном пространстве, которое присутствует в качестве чувства «малой родины», «корней предков» у каждого человека. В рамках этого пространства осуществляется культурная идентификация.

Более детально прорабатывает пространственный ареал культуры А. С. Кармин. Формируя термин «культурное пространство», ученый определяет его как «пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой». Культурное пространство есть вместительное множество объектов. Это отдельные феномены культуры, их комплексы, группировки и целые культурные миры — национальные культуры, цивилизации.

Культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» — культурное пространство. Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания. «Отвоевываемая жизненное пространство в первую очередь у природы (пространство как территорию), человек осваивает его и как существо природное, и как социальное, ибо деятельность его, направленная, прежде всего, на преобразование природного мира, является по определению способом существования социального. Результатом этой деятельности становится рукотворный мир «человеческих поделок» (М. Хайдеггер) — мир культуры» [5, с. 23]. Творчество наполняет этот мир множеством значений. Пространство оказывается постоянно вовлеченным в поле деятельности человека, поэтому культурное пространство всегда несет в себе содержательное, творческое начало. Так, Восток и Запад начинают восприниматься как определенные типы культуры. Пространственные признаки также делят народную, элитарную, сакральную и светскую культуры. Главную роль здесь играет субъективация культурных явлений в тексты культуры. Пространство не ограничено конкретными рамками, оно осознано как связанное с событием, памятью, т. е. образами, соответствующими значимости данного пространства.

Как пространство концептуальное, культурное пространство может быть описано в рамках своих семантических, временных характеристик, в особенностях движения и т. д. Как уже было сказано, описанное пространство творится в текстах культуры. С точки зрения структурализма и семиотики культура по сути своей — «текст» и набор «текстов». «Язык — дом бытия» (М. Хайдеггер), чтобы событие стало явлением культуры, оно должно быть выражено в тексте, тогда культура может выполнять функцию хранения и передачи информации. В семантическом поле языка культуры происходит накопление, оформление в текст, а затем с помощью методов различных наук — дешифровка или раскодирование информации, заложенной в глубинных структурах культуры и сознания. Любой текст принадлежит культуре, вне культурного пространства текст перестает существовать.

Ю. М. Лотман культуру вообще рассматривает как текст, который представляет собой комплекс информации, поэтому различия между культурами есть различия информационные. Информация в культурном пространстве неотделима от его структуры. На этом строится внутреннее и внешнее единство культурных феноменов. «Знаки образуют тексты, тексты — культуру, культуры — семиосферу. Подобно тому как пространство культуры образуется всеми текстами, созданными, создаваемыми и могущими быть созданными в данной культуре, так и семиосфера — это культура всех культур и среда, обеспечивающая возможность их появления и существования» [7, с. 135]. Таким образом, вокруг культурного пространства всегда формируется знаковое, семиотическое пространство, которое наполняет культуру едиными смыслами и обеспечивает единство всей структуры культуры.

Пространство бытования культуры не сводится ни к одному из входящих в него культурных миров. Это мыслимое, умопостигаемое, очень широко трактуемое культурное пространство. Анализируя данный подход, можно оттолкнуться от понимания культуры учеными А. Кребером и К. Клакхоном. Они считали, что «культура состоит из выраженных и скрытых схем мышления и поведения, являющихся специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей, воплощенным в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку и от поколения к поколению» [8, с. 264]. Сюда включены и достижения, которые проявляются в созданных обществом материальных благах. «Ядром любой культуры

являются идеи и особенно ценности, передающиеся при помощи традиций. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результат совершенных действий, с другой стороны, как одна из основ действия в будущем» [8, с. 15]. Осмысленный образ этих систем и есть пространство бытования культуры. Существовая как мысленный конструкт, такое пространство имеет все свои реальные измерения, не имеющие, однако, абсолютного характера. Такие особенности географические определены тем, что являются некоей творческой «художественной» надстройкой над реальным пространством. Так, это может быть национальное пространство, проявляющееся в специфике национального театра. Например, ритуальные «гулянья» языческой Руси, выраженные в образах народного веселья. Запрещенные с принятием христианства, эти образы перешли в пространство театра, из чего и вырос русский театр Петрушки. В этом случае при помощи театрального зрелища в художественных формах воспроизводилось национальное и историческое пространство. Театральными средствами в древности человечество пыталось создать некие идеальные модели культурного осознания пространства. Можно сказать, что пространство бытования культуры — это мыслимое культурное пространство, в котором отражается всякий ответ, который культура дает на базовые потребности человека.

Облик современной культуры с учётом вышесказанного определяется, прежде всего, усиливающейся интеграцией различных культурных конфигураций в единое культурное целое, которое следует обозначать как «мировая культура». В этом смысле соотношение реальности или иллюзорности в восприятии мира предстаёт с особой остротой. «Любое происходящее событие можно рассмотреть как непосредственно имевшее место, как значимое событие, когда оно представлено средствами массовой информации и как знаковое, если оно переведено в мир символический. Таким образом, утрачивается реальность понимания времени и пространства» [9, с. 77—78].

Формирование индивидуального мировоззрения и актуальных технологий социального поведения современного человека уже не требует программной ориентированности и гораздо тяжелее поддается целенаправленному культурному воздействию со стороны социальных институтов и малых групп. Вариативность форм индивидуального мировоззрения сегодня чрезвычайно велика, а «откат» к традиционным культурно-мировоззренческим формам (прежде всего религиозным и эзотерическим) характерен только для слабо модернизированных сообществ, да и то в основном в пределах старших поколений. Возможности целенаправленного воздействия на индивидуальное сознание в модернизированных культурах сегодня чрезвычайно низки и сводятся к решению частных вопросов, не имеющих прямого отношения к жизнеобеспечению и удовлетворению основных актуальных для индивида потребностей. Мониторинг социокультурных процессов осуществляется здесь только на уровне решения социально значимых задач и трансляции минимума содержания культурной традиции. Формирование новых социокультурных идеологий возможно в современном мире только на высоком уровне их вариативности и в жесткой конкурентной борьбе. Здесь границы мониторинга в условиях перенасыщенности индивида массовой коммуникацией весьма узки. Основные традиционные ценности человека и форм его социальности (жизнь, семья, любовь и приязнь), несомненно, сохраняются и в новом мире, но дополнительные социализующие компоненты необходимо будет жестко отбирать и в плане их содержания, и в формах их трансляции. Ориентация культуры на базовые физиологические и социальные потребности индивидов выглядит в данном случае максимально эффективной, что и демонстрирует триумфальное распространение по всему миру существующих сегодня форм массовой культуры.

Возможности и границы научного знания в динамичном мире современной культуры также неизбежно меняются. Время, когда науки об обществе и культуре выступали в качестве одной из возможных форм социально значимого знания, ушло безвозвратно. Сегодня научные исследования осуществляются в мире в основном по государственным и частным заказам для реализации конкретных социально значимых целей. Эти цели могут носить социально-политический, общественно-мониторинговый, социализационный или просветительский характер, но востребованность науки как инструмента управления и мониторинга социальных процессов в современном мире на сегодня очевидна. Отсюда и преимущественно прикладной характер современной социальной науки, и ее ориентация на исследование проблем, актуальных сегодня. По определению Д. Фромера, «наука сегодня помогает нам решать те проблемы, которые мы решали в прошлом с помощью религии, философии, а то и просто права силы» [10, с. 279].

Сегодня именно наука создает информационный образ мира, адекватный окружающей реальности и способный успешно ориентировать человека в сложной действительности. Человек, в сознании которого сформирован примитивный образ мира, в своей повседневной жизни будет совершать поступки, которые могут нанести вред ему как отдельному индивиду и человечеству в целом. На основании этого мы полагаем, что культурная значимость научных представлений о мире не только не утрачивается, а, напротив, усиливается в современном обществе. Но для того чтобы рядовой член общества осознал новые научные результаты, необходимо, прежде всего, адаптировать эти результаты к его уровню понимания. Это означает, что должна существовать продуманная система адаптации, ориентированная на различные уровни образованности граждан. Заботу о создании такой системы могло бы взять на себя научное сообщество. Сами способы адаптации, подходы в изложении новых научных достижений — это прерогатива системы образования [11, с. 190].

Таким образом, на фоне формирования мирового культурного пространства все большее значение приобретает индивидуальная направленность творческого самовыражения человека и индивидуальное мировоззрение, которые гораздо тяжелее поддаются целенаправленному культурному воздействию со стороны социальных институтов. В целом можно сказать: «Вобрав и традиции национально-культурной идентичности, и подвижные культурные стереотипы постмодерна, культурное пространство превратилось в арену противоборства различных групп интересов за влияние на коллективное и индивидуальное мышление» [12, с. 80].

Список цитируемых источников

1. Каган, М. С. Пространство и время как культурологические категории / М. С. Каган // Вестн. СПбГУ. — Сер. 6. 1993. — Вып. 4. — 78 с.
2. Быстрова, А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / И. Н. Быстрова // Философ. науки. — 2004. — № 12. — 36 с.
3. Свирида, И. И. Пространство и культура : аспекты изучения / И. И. Свирида // Славяноведение. — 2003. — № 4. — 96 с.
4. Кармин, А. С. Основы культурологии. Историография культуры / А. С. Кармин. — СПб. : Лань, 1997. — 512 с.
5. Феномен культурного пространства / О. В. Гуткин [и др.]. — Саратов : Науч. кн., 2005. — 137 с.
6. Бродель, Ф. Что такое Франция : в 2 т. / Ф. Бродель. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — 315 с.
7. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек—текст—семиосфера—история / Ю. М. Лотман. — М. : Яз. рус. культуры, 1996. — 447 с.
8. Клакхон, К. Зеркало для человека. Ведение в антропологию / К. Клакхон. — СПб. : Евразия, 1998. — 464 с.
9. Мамина, Р. И. Имидж: виртуальный мир или реальность? / Р. И. Мамина // Виртуальное пространство культуры : материалы науч. конф., 11—13 апр. 2000 г. — СПб., 2000.
10. Люббе, Г. Наука и религия после Просвещения: об утрате культурной значимости научных представлений о мире / Г. Люббе // Наука в культуре. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 316 с.
11. Власова, С. В. Образование XXI века: каким ему быть? / С. В. Власова // Обществ. науки и современность. — 1999. — № 2.
12. Семенов, И. С. Трансформация критериев самоидентификации в социокультурном и политическом пространстве : западная парадигма и российский контекст / И. С. Семенов // Полос. — 2000. — № 3.

УДК 298.9

И. В. Шушкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

НЕОЯЗЫЧЕСТВО — ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО НАПРАВЛЕНИЯ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

Неоязычество — феномен, уходящий своими корнями в историю не сильно глубоко, так как возникло это религиозное движение в XIX—XX вв. В последнее же время вопрос о неоязычестве как о новом религиозном направлении все больше и больше интересует как исследователей-религиоведов, так и представителей традиционных религий, просто интеллектуалов, интересующихся духовной сферой жизни общества. Возникает множество вопросов, связанных с тем, как относиться или как воспринимать тенденции этого нового движения, набирающего обороты, приобретая всё новых адептов. Также к причине заинтересованности этим феноменом можно отнести и тот факт, что новые религиозные движения в совокупности не являются традиционными ввиду преобладания христианских ценностей в нашей стране и постсоветском пространстве в целом. Возможно это новый виток истории и переосмысления своих воззрений людьми, пробуждающий поиск альтернатив, отвечающих запросам современности.

Прежде чем начать, хотелось бы указать фамилии некоторых учёных, занимавшихся изучением феномена неоязычества на постсоветском пространстве: А. Гуцуляк, О. Кавыкин, Е. Силаков, А. Гайдуков, В. Шнирельман и др. Среди белорусских ученых следует упомянуть такие имена, как А. Гурко, И. Михеева, В. Мартинович и др.

Необходимо отметить, что проявление этого феномена характерно и для других стран мира, а истоки заинтересованности языческими и оккультными практиками тонкой нитью можно проследить еще на заре эпохи Возрождения. Тенденция увлечения неоязычеством наблюдается, например, в Армении [1] и Германии [2].

Так в чем заключается причина его возникновения, распространения и популярности в современном обществе? Многими исследователями данные процессы объясняются через призму негативных, побочных последствий модернизации и глобализации. Через индустриальный прорыв и научно-техническую революцию человек начал разрушать и загрязнять окружающую среду. Урбанизация вырвала людей из естественной среды обитания. Демократия не оправдала возложенных на нее надежд, породив лицемерную эпоху двойных стандартов и коррупции, а безбрежная свобода, упразднение института общественной морали и вовсе привели к упадку нравов, которыми регулировалась, получше закона, социальная жизнь общества. Поэтому в альтернативу научному прогрессу, в качестве решения неоязычники предлагают вернуться к истокам, переосмыслить их и взять самое лучшее, что, по их мнению, способно помочь разобраться с проблемами современности.

Становление неоязычества, тяготеющего к древнерусскому политеизму, происходило в 1970—1980-е гг., во время роста новых «постатеистических» сект и религиозных направлений. Одной из причин появления неоязыческого движения может служить недовольство господствующими религиями, которое тесно связано с политическими мотивами, в другом же случае оно связано с неприятием официальной религиозности, несоответствием христианских ценностей, норм и идей, личным духовным потребностям славянского человека [3]. Также причиной обращения человека в неоязычество может служить интерес к мистике и эзотерике. А наряду с интересом к религии, сверхъестественному и политическим мотивам еще одним вариантом становления человека на путь нового религиозного движения является сочувствие природе, экологическим идеалам. Конечно,